

КАКАЯ ЭКОНОМИКА НУЖНА РОССИИ?*

Академик Дмитрий Семенович Львов – руководитель Секции экономики Отделения общественных наук РАН. Он был инициатором трех прошедших в 1997 – 2001 годах в Вологде Российских научно-практических конференций «Стратегия и тактика реализации экономических реформ: региональный аспект». Д. С. Львов является сопредседателем Оргкомитета IV-ой конференции по этой проблеме, которая состоится в начале апреля 2003 года.

В преддверии этого события представляем взгляд крупнейшего отечественного ученого-экономиста на задачи дальнейшего развития России.

Статья печатается с любезного согласия автора (по тексту публикации в «Российском экономическом журнале», 2002, №11-12).

1. Для кого реформы?

Отвечая на этот ключевой вопрос, приходится в очередной раз констатировать общеизвестное: за десять реформационных («постперестроечных») лет уровень жизни населения резко снизился. В 2001 г. реальные денежные доходы россиян уменьшились на 17% в сравнении с преддефолтным 1997-м годом, в котором они составляли лишь 46% уровня 1990 г. Тяжелейший социально-экономический результат реформ – глубокая доходная поляризация населения: его часть с доходами ниже прожиточного уровня втрое превышает предельно допустимое (десяти – двенадцатипроцентное) значение. В течение 90-х годов упали реальные доходы 80% населения, причем их доля, приходящаяся на первую квантильную (двадцатипроцентную) группу, состоящую ныне из нищих и полуничих людей, уменьшилась в 1991 – 2000 гг. вдвое; доли, приходящиеся на вторую, третью и четвертую группы, снизились соответственно в 1,5, 1,3 и 1,1 раза. И только доля доходов пятой квантильной группы, охватывающей обеспеченных, богатых и очень богатых людей, выросла – с 31% в 1991 г. до 47% в 2000 г.,

т.е. в 1,5 раза. Эта беспрецедентная социальная дифференциация российского общества выражается и в том, что соотношение доходов высшей и низшей децильных (десятипроцентных) групп в 2,5–3 раза превысило предельно допустимый для цивилизованных стран уровень.

Еще более печальное (если не сказать – страшное) следствие реформ – ускоренно растущая смертность россиян. По этому параметру мы примерно вдвое «опережаем» европейские страны и США. У нас начался процесс депопуляции, может быть, необратимый: кривая смертности растет, а кривая рождаемости падает (данный феномен называют «крест над Россией»). Если приоткрыть «лицо» этой смертности, окажется, что оно – преимущественно русское: в исконно российских губерниях (Костромской, Ярославской, Смоленской и других областях) темпы роста смертности превышают средние по стране. Это «лицо» к тому же молодое: наиболее дееспособная часть нашего населения – люди в возрасте 44 – 46 лет (цвет нации) – вымирает быстрее других возрастных категорий. Наконец, смертность выбивает даже «ком-

* Настоящая статья завершает цикл многочисленных коллективных и индивидуальных публикаций «Российского экономического журнала» 2000 – 2002 гг., предварявших и сопровождавших окончание десятилетия реформационных преобразований в России. Первые материалы цикла были связаны с общероссийской дискуссией о стратегии экономического развития страны, проводившейся Комитетом Государственной Думы по экономической политике и предпринимательству, Отделением экономики РАН, Российским торгово-финансовым союзом и «Российским экономическим журналом» (итоги дискуссии подведены в № 7 за 2000 г.). Последние материалы таковы: Реформационное десятилетие: итоги и проблемы (по материалам заседания «за круглым столом», проведенного Институтом международных экономических и политических исследований РАН). – 2002. – № 5-6; Резников Л. Дискуссионные вопросы нынешнего этапа экономического реформирования. – 2002. – № 7; Винслав Ю. Социальная переориентация экономических преобразований: макро- и мезоуровневый аспекты. – 2002. – № 10.

мерческую» прослойку: «новые русские» умирают так же часто, как и «простые» россияне. В общем, смерть сегодня косит всех, и есть веские основания назвать нынешний процесс депопуляции «эпидемией смертности». Анализ демографической динамики России позволяет прогнозировать, что к середине XXI столетия население страны уменьшится на 40 млн человек, причем «коренного» населения останется менее 40%.

«Людоедские» реформы, как известно, сопровождаются дезинтеграцией единого социально-экономического пространства страны. Разрушены исторически сложившиеся кооперативные связи между ее регионами. Сибирь и Дальний Восток во все большей мере втягиваются в орбиту развития стран АТР и во все меньшей работают на преумножение экономического потенциала единой России. Дифференциация основных региональных показателей достигла критических отметок. Так, разрыв между благополучными и депрессивными регионами страны по уровню душевого потребления составляет 15–18 раз, по инвестициям на душу населения – 60–80, а по уровню межрегиональных связей – 20–30 раз. Аналогичные показатели, например, для стран объединенной Европы в 3–5 и более раз ниже. По-видимому, независимые страны, входящие в Европейский Союз, сегодня имеют гораздо больше оснований считаться составляющими единого государства, нежели отдельные регионы в составе постсоветской России.

За последнее десятилетие РФ снизила свою долю в секторе мировой наукоемкой продукции примерно в восемь раз. Наше отставание в этой области от США увеличилось с четырех раз в 1992 г. до 38 раз в 2000 г. Это опаснейший разрыв, ликвидировать который в нынешних условиях будет крайне сложно, особенно учитывая резкое сокращение у нас расходов на исследования и разработки на фоне высокой и стабильной нормы этих расходов в ВВП ведущих стран Запада. Если в 1985 г. отставание нашей страны от США по затратам на НИОКР составляло примерно 40%, то в 2000 г. оно увеличилось до 200%, т.е. Россия катастрофически теряет потенциал выхода на уровень мировых научно-технических достижений.

Весь опыт послевоенного развития свидетельствует: на лидерство в современном мире могут претендовать страны с наиболее высоким уровнем образования населения. Мы долгое время занимали в этой сфере передовые позиции, а ныне сдаем их, отстаем в подготовке высококлассных специалистов. Между тем теперь поддержание и умножение научного и образовательного потенциала – дело исключительно дорогостоящее, требующее от общества огромных ресурсов. Но иначе нет и не может быть инновационной экономики, независимого государства, способного к динамичному саморазвитию в современной геополитической и мирохозяйственной обстановке. Сравнительно легко восполнить потерю части экономического потенциала, но чрезвычайно трудно вернуть утраченное в фундаментальной науке, системе общего и профессионального образования, в целом в системе воспроизводства интеллектуальной элиты и высококвалифицированных кадров. В этом суть дела: мы либо «оседлаем» творческий фактор (шансы тут еще сохраняются), либо окажемся одним из главных фигурантов «мирового подполья», деструктивного геопояса, угрожающего существованию и самой России, и всего мира.

Признавая недопустимое отставание России от ведущих стран мира в этой важнейшей области, зачастую пытаются оправдать его ссылками на отсутствие должных внутренних источников роста. Постоянно звучит тезис о нехватке средств для закупки новых технологий, обновления основных фондов, поддержки фундаментальной науки и образования и т.п. Но эта посылка ошибочна. Несмотря на огромные экономические потери, понесенные в ходе реформ, страна располагает ресурсами, достаточными для качественного улучшения воспроизводственной структуры и обеспечения высоких темпов экономического роста. Стоит напомнить о том, что Россия занимает одно из первых мест в мире как по абсолютной, так и по относительной (на душу населения) величине национального богатства (элементы которого – воспроизводимый основной капитал и трудовые ресурсы, ресурсы природные и окружающая природная среда – «ассимиляционный потенциал»). В этом отношении наше державу сохраняет свое ли-

дирующее место в мире наряду с США, а по природной составляющей национального богатства нам просто нет равных. Те же США и Канада вместе взятые отстают от России по «природному капиталу» на душу населения в 10, а Западная Европа – в 27 раз! Уже из одного этого следует, что Россия располагает наибольшими среди других индустриальных стран мира возможностями социально-экономического развития.

Тем более разителен, однако, контраст между этими возможностями и эффективностью использования российского национального богатства. Так, по показателю валового национального продукта (ВВП) на душу населения Россия отстает от США в 5 раз, от Японии – в 4, от Германии (и ряда других западноевропейских стран) – в 3,5 раза. В этом отношении только Китай и Индия пока уступают нам.

Причины данного вопиющего несоответствия надо искать прежде всего в пороках действующего экономического механизма, который не позволяет эффективно использовать ресурсные преимущества страны. Это противоречие сложилось, как известно, не сегодня. Оно было характерным и для советского периода, когда мы проигрывали в экономическом соревновании ведущим странам Запада. Уже тогда, начиная с 80-х годов истекшего столетия, руководство страны стало реально осознавать необходимость коренной трансформации действовавшей социально-экономической системы. Парадокс состоит в том, что, трансформировав «зрелый социализм» в «переходный капитализм», мы начали еще больше проигрывать «зрелому капитализму»: если раньше отставание от США по душевому ВВП составляло 3,5 – 4 раза, то теперь оно превысило 5 раз, что свидетельствует о порочности возникшей социально-экономической системы. И если мы хотим видеть Россию сильной и процветающей, соответствующей ее уникальному ресурсному потенциалу, предстоит прежде всего обеспечить решительный переход к новому экономическому курсу, способному резко, скачкообразно повысить эффективность использования национального богатства страны, повернуть реформы к человеку-творцу.

К глубокому сожалению, этот абсолютно необходимый радикальный реформационный разворот пока даже не просматривается. О господстве застойных тенденций наглядно свидетельствует новейшая, «постдефолтная» ситуация. При всех очевидных положительных подвижках в отношении макроэкономических и иных условий для перехода к устойчивому росту только за девять месяцев 2002 г. износ основных фондов повысился на 22%, число убыточных предприятий в промышленности выросло в 1,6 раза, а число банкротств – вдвое; объем неплатежей по заработной плате увеличился на 27%.

Что же происходит с нашей экономикой, почему столь неадекватна ее реакция на стандартные сигналы рынка? Ответ, собственно, уже был дан: не мнимая дефицитность ресурсной базы, а реальная ущербность нынешней системы управления народным хозяйством служит главным препятствием для перехода к устойчивому и быстрому экономическому росту. И первое, что предстоит незамедлительно сделать, – устранить блокирующие рост хронические диспропорции в экономике – как доставшиеся от советских времен, так и вновь обретенные.

2. Об устранении хронических экономических диспропорций

Первая из их перечня – недопустимо низкое значение такого важнейшего макропоказателя современной рыночной экономики, как доля заработной платы в национальном ВВП. В ведущих индустриальных странах (США, Японии, Германии, Великобритании и др.) эта доля стабильно удерживается на уровне 65 – 72%. У нас же она составляет примерно одну треть, т.е. вдвое ниже. Это обычно объясняют более низкой производительностью труда в России. Действительно, в советский период наша страна традиционно отставала по данному параметру. Однако сегодня, после десяти с лишним лет экономических реформ, это отставание не только не уменьшилось, но и на 20 – 25% увеличилось, что подчас пытаются использовать для оправдания еще более низкого уровня заработной платы в РФ.

Подобные попытки, конечно, несостоятельны. Дело в том, что если по производи-

тельности труда мы отстаем от тех же США в 5 – 6 раз, то по уровню заработной платы – в 15 – 25. Суть проблемы состоит в том, что заработная плата в России низкая не вообще, а недопустимо низкая по отношению к нашей низкой производительности труда. С советских времен бытует мнение: мы плохо живем потому, что плохо работаем. На самом деле сегодня мы плохо работаем потому, что плохо живем. Об этом красноречиво свидетельствует следующее сравнение. На один доллар часовой заработной платы среднестатистический российский работник производит примерно втрое большую часть ВВП, чем аналогичный американский. Иными словами, столь высокой эксплуатации наемного труда, как в России, нет ни в одной современной стране с рыночной экономикой. В процессе реформирования осуществлена либерализация всех факторов производства, за исключением одного, причем определяющего, – труда, а более точно, – заработной платы. В результате отечественный наемный работник теперь вынужден обменивать свою нищенскую заработную плату (которая в реальном исчислении намного ниже, чем в советские годы) на продукцию и услуги, цены на которые вплотную приблизились к так называемым мировым, а во многих случаях их уже перешагнули. Это означает, что провалы в проведении экономических реформ покрываются не только путем продажи нефти и газа, но в определенной мере и посредством снижения жизненного уровня основной массы россиян.

В этой связи, если мы действительно намерены повернуть экономические реформы к человеку, нет более значимой проблемы, чем доведение доли заработной платы в ВВП до уровня, характерного для современных развитых стран. Иными словами, среднюю заработную плату надлежит повысить не менее чем вдвое, а минимальная ее величина во всех случаях не должна опускаться ниже прожиточного минимума (причем определяемого по набору не только минимально необходимых потребительских товаров, но и услуг здравоохранения, образования, жилищно-коммунального хозяйства и т.п.). Аналогичным образом следует поступить и с пенсиями, «при-

вязав» их минимальную величину к прожиточному минимуму, а максимальную – к определенной (скажем, 70-процентной) доле ранее получаемой средней заработной платы.

Поднять оплату труда, обеспечив ее повышение крупномасштабным структурным маневром в направлении переориентации экономики на потребительский сектор и институциональными преобразованиями, – таким, думается, должен быть главный замысел реформ. Иначе говоря, увеличение оплаты труда и пенсий необходимо рассматривать в качестве не следствия, а ключевой предпосылки реформирования. С этого и нужно было начинать преобразования.

Ликвидация перекосов в оплате труда развязала бы многие узлы в экономике, повысила бы, в частности, ее восприимчивость к научно-техническому прогрессу; именно на этой базе позитивно сказались бы меры по либерализации экономики и изменению отношений собственности. Между тем любые попытки предложить возвращение к данному варианту отвергались (как якобы проинфляционные), и теперь, когда производство сократилось вдвое, а система управления пошла вразнос, реализовать первоначальный замысел реформ, обоснованный по итогам многолетних исследований отечественных ученых, гораздо труднее, нежели в начале 90-х годов. Но вернуться к этому – единственный выход и определяющая цель на ближайшую перспективу.

Вторая диспропорция, подлежащая устранению, касается соотношения и взаимодействия первичных факторов производства, участвующих в формировании конечного продукта, – труда, основного капитала (зданий, сооружений, оборудования и других воспроизводственных компонентов) и капитала природного (земли, минеральных, биологических и иных ресурсов). В условиях рыночной экономики между названными факторами существует определенное равновесие, поддерживаемое соответствующими рыночными механизмами (прежде всего – равновесными рыночными ценами). То обстоятельство, что в стратегическом плане рыночная экономика стремится к устойчивому равновесию (несмотря на постоянные отклоне-

ния от него на отдельных временных интервалах), позволяет выстраивать адекватные модели последнего и оценивать с соответствующих позиций вклад того или иного фактора в прирост итоговой эффективности экономики. Причем модельные расчеты предполагают трансформацию получаемых таким образом оценок в соответствующие экономические механизмы: систему цен, налогов, процентных ставок и т.д.

Какова же объективная цена первичных факторов производства в нашей экономике? Макроэкономические расчеты, выполненные в Центральном экономико-математическом институте РАН, показывают, что чистый народнохозяйственный доход (или так называемая нераспределенная прибыль) формируется на 5% за счет труда, на 20 – основного капитала и на 75% – за счет природного капитала. Таким образом, в рамках сложившейся воспроизводственной структуры решающий вклад в нераспределенную прибыль вносит доход, получаемый страной от использования ее природно-ресурсного капитала, т.е. на основе природной ренты. Очевидно, из этого и следовало бы исходить в экономической политике, в том числе налоговой.

Однако действующая налоговая система переворачивает все «с ног на голову»: 70% фискальной нагрузки приходится на труд, 20 – на основной капитал и только 10% – на ренту; т.е. главной составляющей является труд (точнее, фонд оплаты труда), в соответствии с чем строятся алгоритмы бухгалтерского учета и калькулирования, исчисления налогооблагаемой базы. Выходит, что около 70% налоговых поступлений у нас прямо или опосредованно связаны с фондом оплаты труда. Между тем, как уже подчеркивалось, заработная плата в России – одна из самых низких в мире. Отсюда и парадокс: наиболее угнетенный фактор производства якобы создает основную часть дохода России.

Это результат искажения действительных соотношений между первичными факторами производства. Неоправданно высокая нагрузка на доходонесоздающие или низкодходные факторы – явное выражение крайней неэффективности и порочности нынешней

системы налогообложения, которая угнетает бизнес, сдерживает рост заработной платы и конечного спроса, искусственно увеличивает производственные затраты и снижает конкурентоспособность отечественной продукции, стимулирует сокращение рабочих мест и т.п. В условиях подобной виртуальной экономической системы значительная часть рентного дохода проходит мимо казны и присваивается предпринимателями-нефтяниками, газовиками, рыбаками, металлистами и лесниками, а далее в огромных объемах вывозится за границу. Тем самым рентный доход России, образуя материальную основу для запредельного «затенения» отечественной экономики, превращается в источник экономического развития западных держав.

Согласно авторской оценке, годовой недополучаемый рентный доход России составляет 40 – 45 млрд долл. Если к этому добавить потери государства от неэффективного использования принадлежащих ему производственных активов, общая сумма ежегодных потерь – не менее 50 – 52 млрд долл. А это – по сути второй бюджет России. Чего стоят в данном контексте разговоры о том, что у нас нет внутренних источников для экономического роста, повышения заработной платы наемных работников, решения жгучих социальных проблем?!

Пора осознать, наконец, что рента – стратегическое «оружие» России и что для эффективного его использования необходима принципиально иная налоговая система. Налоги в традиционном их понимании должны играть роль дополняющего бюджетные доходы страны источника, а главным наполнителем казны призвана стать именно рента.

Реализация данной концептуальной посылки позволила бы резко сократить налогообложение труда, снизить отчисления от прибыли, отменить НДС, уменьшить, а в перспективе нуллифицировать отчисления предприятий на социальные нужды и т.д. Мы получили бы реальную возможность ввести налоговые каникулы и задействовать налоговые инвестиционные кредиты в приоритетных отраслях обрабатывающей промышленности, поддержать науку и образование,

повысить среднюю и минимальную заработную плату, поднять до прожиточного минимума пенсии, увеличить количество рабочих мест. Предлагаемая налоговая система, превращающая ренту в прочную основу воспроизводственного процесса, будет не «душитель» экономического и социального развития России, а мощным его ускорителем, эффективнейшим рычагом реформирования экономики страны и разрешения фундаментальных проблем ее гуманитарного обустройства.

Третья группа народнохозяйственных диспропорций связана с пороками действующих ценностных и денежно-кредитных механизмов. Одна из определяющих причин блокирования развития рыночных отношений в нашей стране, как уже отмечалось, – существенное отклонение нынешних цен от цен рыночного равновесия. В результате недооценки рентного дохода искусственно занижаются цены на капитал и труд, равно как и капитализация экономики, устраняются достоверные ориентиры инвестиционной и промышленной политики. Многие отрасли промышленности и сельского хозяйства, включая угледобычу, наукоемкое машиностроение и зерновое хозяйство, по меркам внутреннего рынка оказываются убыточными. Вышеотмеченная мизерная цена труда тормозит использование новых наукоемких технологий, сжимает конечный спрос и блокирует развитие потребительского сектора экономики.

Между тем вместо выправления ценностных перекосов проводимая экономическая политика лишь усугубляет их – посредством действующих налогов, запредельных ставок банковского обслуживания, дефицита эмиссионной активности и т.п. В результате происходит лишь достраивание упомянутой виртуальной, псевдорыночной системы, не способной адекватно реагировать на сигналы рынка. Казалось бы, прогресс в рыночной трансформации экономики налицо: создана система коммерческих банков и введен свободный обмен валюты, действуют фондовые рынки и налажен обмен долгов на собствен-

ность, функционирует сектор корпоративного управления и развивается свободный оборот всего набора прав собственности. Однако нет главного – механизмов свободного межотраслевого перелива капитала, мобильности рынка труда, роста накоплений и привлечения стратегических инвесторов. Равным образом отсутствуют эффективные механизмы капитализации корпоративного сектора экономики. Скажем, капитализация ОАО «Газпром» сегодня занижена в 6–8 раз, РАО «ЕЭС России» – в 4–5, авиакосмического комплекса страны – в 12 раз и т.д. Банковский сектор тоже находится в системе жестких ограничений: согласно авторитетным экспертным оценкам, в 2001 г. капитал и активы российской банковской системы составляли соответственно 10 и 100 млрд долл.¹

Финансовые власти России проводят денежную политику, по сути воспроизводящую принципы «золотодевизного стандарта», от которых ведущие страны западного мира отказались еще в 1971 г. Главный ее порок – жесткая привязка денежной системы к доллару, исключающая нормализацию денежного оборота и стимулирование экономического роста.

3. Контуры экономики будущего

С учетом вышеизложенного эта экономика видится прежде всего как освобожденная от пут нынешней экономической политики, основанной на догматах либералистской доктрины. В позитивном плане контуры будущего высокоэффективного экономического устройства нашей страны просматриваются в следующей концептуальной системе координат – «историческая миссия России – новое государство – система управления национальным имуществом – нравственные императивы»².

¹ Имеются в виду результаты исследований доктора экономических наук М.В.Ершова. Коль скоро его оценки верны, можно утверждать, что активы любого крупного банка в ведущих странах мира почти в 10 раз превышают активы всей российской банковской системы. Что касается отношения активов банковской системы к ВВП, то в России оно составляет примерно 35%, тогда как в Германии, Японии, Великобритании и Швейцарии – 200 – 300, а в США достигает 350%.

² Более развернуто и нюансированно, нежели в данной статье, этот концептуальный подход реализован в монографии: Львов Д.С. Экономика развития. – М.: Экзамен, 2002.

3.1. Историческая миссия России. Обдумывая национальную социально-экономическую стратегию на первые десятилетия наступившего века, нельзя не принимать во внимание специфику нашей страны, ее историческую миссию в современном мире. Россия – великая держава с огромной территорией, многонациональным населением, разнообразными природно-климатическими и социально-экономическими особенностями. И, несмотря на это «многоцветье», – единая страна, народы которой связаны общей судьбой и общим историческим предназначением. Это предназначение, как было неопровержимо доказано в трудах многих российских ученых, в том числе современных, – быть средоточием и центром евразийства, служить «мостом» между двумя цивилизациями, двумя океанами, двумя центрами экономической силы³.

Стратегия, в полной мере учитывающая эту миссию и опирающаяся на нее, была образно названа «планом ГОЭЛРО-2»⁴. Целеустановкой программы ГОЭЛРО, разработанной выдающимися учеными и общественными деятелями в первые годы советской власти, стало создание единой системы региональных электростанций. Сегодня перед нами другая подобного калибра задача – развертывание транспортной инфраструктуры, способной обеспечить товарные потоки, связывающие два наиболее быстро развивающихся региона планеты – Западную Европу и страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Как известно, в мире этим уже вовсю занимаются, но, увы, в обход России. И здесь мы можем опоздать, что было бы абсурдом, поскольку основа соответствующей транспортной инфраструктуры в нашей стране уже существует. Это Транссибирская железнодо-

рожная магистраль и Великий полярный морской путь – кратчайшая (и самая экономичная) дорога, соединяющая два океана и обеспечивающая ближайший выход в Европу, к западным провинциям Канады и западным штатам США.

Для России развертывание трансевразийской транспортной системы не просто выгодно, но и жизненно необходимо, ибо речь идет не только о крупных валютных поступлениях за транзитные перевозки, но и о новых возможностях для атомного ледокольного флота и отраслей высоких технологий, связанных с его строительством и эксплуатацией, о создании мощной скрепы применительно к грандиозному массиву Севера Евразии. Речь идет о появлении предпосылок для возникновения новых национальных и транснациональных корпораций, имеющих перспективу доступа к дележу мирового дохода и вхождения в группу ведущих ТНК мира.

В реализации планетарного по своим масштабам «плана ГОЭЛРО-2» и должна быть воплощена историческая миссия России. Необходимо приложить максимум усилий к тому, чтобы перевести соответствующую стратегическую линию на язык конкретных цифр и обоснований. В этом – одна из главных задач современной экономической науки, и следует максимально использовать имеющиеся в данной области серьезные заделы⁵.

3.2. Новое государство. Согласно теории, одна из важнейших функций современного социально ориентированного государства – обеспечение для всех своих сограждан (вне зависимости от их национальности, места проживания, вероисповедания и т.п.) равных прав на занятость в общественном производстве и на доступ к качественному образованию и здравоохранению, на гарантированный доход от трудовой деятельности, достаточный для достойного существования человека в окружающей его экономической среде,

³ Рассматривая эту проблему, выдающийся теоретик академик Н.Н. Моисеев постоянно обращал внимание на то, что Россия – это мост между двумя центрами экономической силы. Волей судьбы мы оседлали путь «из англичан в японцы», как в былые времена – путь «из варяг в греки» (см.: Львов Д.С., Гребенников В.Г., Моисеев Н.Н. Манифест Арбатского клуба. Крутые ступени к процветанию России: от инерции распада к интеграции возможностей. – Москва – Сочи: ЦЭМИ РАН, 1995. – С. 16-18).

⁴ См.: Львов Д., Моисеев Н. Россия в поисках третьего пути // Экономическая газета. – 1999. – № 27.

⁵ См.: Кулешов В., Суслов В., Селиверстов В., Суспицын С., Малов В., Ионова В. Выдающийся вклад в отечественную регионалистику. О творческой деятельности и научном наследии М.К. Бандмана (1924 – 2002) // Российский экономический журнал. – 2002. – № 4 (раздел статьи «Межконтинентальные транспортные коридоры на территории России»).

в том числе при утрате трудоспособности. Не менее важные госфункции – поддержание единства экономического пространства и территориальной целостности страны, преумножение национального богатства, научно-технического, информационного, оборонного, экономического и иных потенциалов, накопление ресурсов для будущих поколений. Наконец, государство должно создавать равные стартовые условия для всех субъектов рынка, для эффективного развития предпринимательства. Вот, пожалуй, и все предметы заботы государства применительно к социально-экономическому базису общества, все остальное отдается рынку.

Все так, но при одном непереносимом условии – достижении оптимального соответствия между указанными функциями и полномочиями власти. Последняя ни в коем случае не должна выходить за границы дозволенного, иначе неизбежны потеря управляемости экономикой, коллизии между властью и бизнесом, властью и народом. Между тем мы до сих пор не сумели не только конституционно обозначить необходимые и достаточные функции государства, но и выявить и конституировать границы, о которых идет речь. Главной помехой на пути перехода к социально ориентированному государству выступает именно не ограниченная в своих полномочиях власть. Сегодня она – метастазирующее ядро российского застоя, блокирующее любые благонамеренные действия по разработке и реализации жизненно необходимых обществу новых стратегий и программ.

Чтобы покончить с застоём, политическая функция власти должна быть отделена от административной, и тем более – от хозяйственной. Руководителям администраций всех уровней, как и рядовым чиновникам, надлежит быть профессиональными служащими, работающими на контрактных началах и оплачиваемыми сообразно занимаемому ими посту и их квалификации. Зарботная плата чиновников любого ранга должна если не в исключительной, то в определяющей мере зависеть от результативности их работы. Ситуация роста их зарботной платы при падении эффективности экономики должна быть исключена, в связи с чем предстоит за-

конодательно установить пороговые значения тех показателей, за обеспечение которых чиновники соответствующего ранга несут прямую персональную ответственность. Допустимо ли, например, чтобы министр по труду и социальному развитию не нес непосредственной ответственности за катастрофическое снижение реальных доходов населения и их абсурдную дифференциацию, за предельный уровень бедности? Вправе ли уходить от ответственности министр здравоохранения в условиях вышеупомянутой «эпидемии смертности»? Абсолютно противоречит принципам демократического государства полная безответственность высоких чиновников федерального имущественного ведомства (министерства) за тотально неэффективное использование госактивов, недопустимо низкую капитализацию предприятий с собственническим участием государства. То же самое следует отметить по отношению к руководителям занимающегося использованием природных ресурсов министерства, поощряющим приватизацию рентного дохода страны. Трудно представить, чтобы в какой-либо западной стране руководящие сотрудники экономико-финансовых ведомств не отвечали за провалы в прогнозных оценках темпов народнохозяйственного роста, уровня инфляции и других макропоказателей, за инициирование необоснованных программ реструктуризации естественных монополий, пенсионной системы и жилищно-коммунального хозяйства, за действия, подрывающие экономические составляющие национальной безопасности.

Аналогичную ответственность должны нести и представители других ветвей власти. Так, судебная власть, прежде всего чиновники арбитражной системы, обязаны непосредственно отвечать за фиктивные банкротства высокоэффективных предприятий и компаний. А как быть с коллективной безответственностью законодателей, утверждающих правоустановления, наносящие огромный хозяйственный и социально-политический урон государству (к примеру, о свободной купле-продаже земли)?

В этой связи есть основания утверждать: реформы российской экономики тормозятся именно вследствие нерешенности вопроса о

власти, на сегодня демократической по форме и тоталитарной по существу: принципиальные решения, касающиеся судеб миллионов россиян, принимаются без учета их мнения и интересов, без их участия в выработке таких решений. Для начала подлинных реформ необходимо задействовать механизм демократизации власти, устраняющий обособленность последней от народа, возлагающий на нее всю полноту ответственности за результаты принимаемых решений и обеспечивающий общественный контроль за ее деятельностью. Этот механизм, как представляется, должен опираться на специальный законодательный акт об обязательствах власти и о ее ответственности за их выполнение (ответственности персонифицированной – вплоть до уголовной). Немаловажную роль в процессе демократизации власти и всей общественной жизни призвана сыграть независимая научная экспертиза: без соответствующих заключений ученых нельзя принимать важные решения, затрагивающие интересы не только нынешнего, но и будущих поколений.

Нового качества власти (а это, стоит повторить, – неперемное условие нового качества экономики) не добиться, не устранив противоречия между формальными атрибутами демократического государства и отсутствием таковых по существу. Это противоречие проявляется, в частности, в том, что каждая очередная смена власти у нас сопровождается новым переделом общенациональной собственности. Так происходит потому, что государство сохраняет за собой право бесконтрольного распоряжения общественными ресурсами, оставаясь как бы их титульным собственником. На самом деле той частью национального имущества, которая по своей экономической сути является общественным достоянием, вправе распоряжаться только ее подлинный собственник – все граждане России (это прежде всего относится к природным ресурсам, которые должны принадлежать всем, т.е. в равной мере каждому гражданину). О какой демократии может идти речь, когда вследствие корыстных переделов собственности, принадлежащей

всем, ущемляются интересы большинства населения? Только о демократии богатого меньшинства, демократии олигархической.

К сожалению, именно по этому пути сегодня продвигается Россия, но он неизбежно ведет к деградации общества, усиливает его социальную дифференциацию, разрушает целостность экономического пространства, ослабляет иммунитет экономики от опасных последствий мирохозяйственной глобализации.

Подлинно же демократическое государство призвано стоять на страже сохранения и преумножения общественного имущества – основного источника развития экономики, главного резерва процветания будущих поколений. Настала пора по-новому, непредвзято, не связывая себя догмами западного мира, посмотреть на роль государства в нашей экономике. В ней определяющим принципом должно стать обеспечение неуклонного повышения жизненного уровня большинства населения страны, пока еще малообеспеченного.

3.3. Система управления национальным имуществом. Ключевыми слагаемыми этой системы, концептуально обоснованной автором совместно с его коллегами по Центральному экономико-математическому институту РАН⁶ исходя, в частности, из вышеизложенных положений относительно нового государства (а также из некоторых общеметодологических посылок теории СОФЭ⁷), являются: закрепление за обществом прав титульного (верховного) собственника национального имущества, феномен социального дивиденда, механизмы публичного управления общественными доходами и налогозамещающий механизм рентных платежей.

Конституционное закрепление за обществом (как своего рода юридическим лицом высшего ранга) прав верховного владельца территориальных и природных ресурсов – земли, воды, воздушного пространства, лесов, полезных ископаемых и ресурсов континен-

⁶ См.: Львов Д., Гребенников В., Устюжанина Е. Концепция национального имущества // Вопросы экономики. – 2001. – № 7.

⁷ См.: Львов Д., Овсиенко Ю., Сухотин Ю. Еще раз о реформационном потенциале теории СОФЭ // Российский экономический журнал. – 1996. – № 2.

тального шельфа – создало бы операциональную основу для предоставления всем гражданам одинаковых прав доступа к доходу от использования этих ресурсов, а значит, для обеспечения равенства стартовых возможностей. Материальной реализацией верховных владельческих прав общества на названные ресурсы могло бы стать обращение ренты от их использования в общественные доходы, аккумулируемые в системе общественных финансов. Эта сумма рентных доходов, образующаяся после оплаты услуг всех остальных факторов производства и составляющая чистый доход общества, в котором все его члены имеют равную долю, способна послужить материальным фундаментом их гражданского статуса – социального дивиденда.

В системе национального имущества задействованы два субъекта собственности – государство и общество. Между ними необходимо провести четкое разграничение. Объектом государственной собственности, согласно предлагаемой концепции, является государственное (казенное) имущество: казенные предприятия и организации, государственная инфраструктура, пакеты акций и другие финансовые активы, права пользования которыми переданы государством предприятиям коммерческого сектора. Доходы от использования этого имущества, пополняющие казну (бюджет страны), формируются из налогов и сборов, отчислений от прибылей предприятий и организаций, получивших права на коммерческое управление госактивами, а также в результате размещения госзаймов. Доходы направляются на выполнение государственных функций: на содержание госаппарата, обеспечение обороноспособности и национальной безопасности, поддержание и развитие социальной инфраструктуры и сети рабочих мест, обслуживание госдолга, а также на сохранение и воспроизводство принадлежащего государству основного капитала.

Объектом общественной собственности в системе национального имущества выступает природно-ресурсное пространство страны. Доходы от его использования формируются из рентных платежей и расходуются на

выполнение общественных функций – таких, как удовлетворение важнейших социально значимых потребностей (сопряженных с поддержанием здоровья граждан и с их образованием, с оказанием помощи малоимущим слоям населения) и обеспечение воспроизводства минерально-сырьевой базы страны, сохранение окружающей природной среды.

Таким образом, система управления национальным имуществом включает два контура, связанные с природными ресурсами и с государственными активами. Эти контуры формируют два соответствующие потока доходов. Первый аккумулируется в Фонде национального дивиденда и Фонде будущих поколений. Второй прежде всего образует основу системной целевой бюджетной поддержки занятости и создания новых рабочих мест.

Собственнические функции в системе национального имущества отделяются от функций управления им. Собственники национального имущества – государство и общество – выполняют роль своеобразных инвесторов-рантье, на возмездной основе передающих его (точнее, права на управление этим имуществом) в коммерческое пользование. При этом можно полагать: чиновник, задействованный в государственной или общественной системе финансов, – в любом случае плохой управляющий, не несущий реальной ответственности за результаты принимаемых им решений (разве что кроме потери своего кресла), т.е. прямое представительство государства и общества в коммерческих структурах связано с высокими рисками и чревато серьезным ущербом государственной казне и обществу. Вот почему управление национальным имуществом логично передавать рыночным субъектам (агентствам), которые за плату и под свою материальную ответственность способны эффективно представлять интересы государства и общества как собственников национального имущества. А экспертизу условий использования национального имущества, в том числе исчисления ренты, установления первоначальной цены торгов и определения других

стоимостных параметров использования этого имущества, призваны взять на себя независимые общественные институты (соответствующие функции было бы целесообразно возложить на Российскую академию наук).

Основными формами коммерческого использования той части национального имущества, которая связана с природно-ресурсной компонентой, должны стать аренда (передача имущества во временное владение и пользование) и концессия (предоставление исключительных прав пользования); соответствующий способ выбора пользователя (арендатора или концессионера) – открытые конкурсы, причем главные критерии установления их победителя – условия эксплуатации (поддержание рыночной стоимости имущества), величина арендной платы или концессионных платежей и страхование ответственности пользователя. Существует и такой механизм извлечения доходов из национального имущества, как взимание рентных платежей за его участие в гражданском обороте; прежде всего это относится к земле. Примитивное представление о гражданском обороте сводит его к движению товаров. Однако по мере развития рыночных отношений все чаще оборачиваются не вещи, а имущественные права (права требования, управления, пользования и т.д.), в связи с чем общественная собственность на землю вовсе не исключает возможности ее свободного оборота: просто передаваться при этом будет право не собственности, а, например, пожизненного наследуемого владения. Титул же собственности на землю, а значит, и право на относительную земельную ренту, сохраняется за обществом.

Что касается форм коммерческого использования государственных активов, то они могут быть более многообразными, включая владение акциями и другими ценными бумагами, а также управление ими.

Атрибут системы управления национальным имуществом – задействование феномена социального дивиденда. Речь идет об ориентации механизма общественного расходования природной ренты на институты социального гарантирования уровня и качества жизни, обеспечивающие мобилиза-

цию соответствующих средств на ключевые социальные задачи долгосрочной перспективы. Социальный дивиденд мыслится не как дополнительный доход, получаемый всеми и каждым в качестве собственников природных ресурсов и расходуемый по личному усмотрению (в частном порядке)⁸, а как главный источник социально-стратегической компоненты общественных расходов, т.е. расходов, не просто направленных на развитие человеческого потенциала, но и осуществляемых общественно организованным способом; это прежде всего касается бесплатного здравоохранения и образования. Иначе говоря, предлагается принцип: стратегическая компонента расходов на общественное благосостояние сопряжена с природной рентой; текущая их компонента – с личными доходами наемных работников и субъектов предпринимательской деятельности.

3.4. Нравственные императивы. Один из существенных компонентов социально-экономического развития – нравственная его составляющая, непосредственно связанная с человеком, с историческими особенностями национального уклада жизни. Либералистская доктрина, положенная в основу постсоветских реформ, изначально игнорировала эти моменты. Ее ревнителям принципиально чужд фундаментальный тезис, согласно коему в ходе реформ приходится перестраивать не только саму реальность – экономику, но и отношение к этой реальности людей, т.е. трансформировать образ социального мира, который превалирует в сознании сограждан той или иной страны. И этот образ вовсе не является стандартным, удовлетворяющим неким универсальным понятиям и критериям, причем нелепо рассуждать о том, лучше он или хуже, например, у народов европейских стран или государств азиатского региона, в Америке или в России.

Народы, населяющие нашу планету, – разные, неодинаково воспринимающие происходящие глобальные процессы, неоднородно оценивающие явления общественной

⁸ Подобного рода вариант практикуется, к примеру, в американском штате Аляска.

жизни. И в этом многообразии – одна из гарантий устойчивости современного мира; попытка же заменить таковое стандартным единообразием может ввергнуть человечество в состояние хаоса⁹. Между тем через мировую информационную сеть («Интернет») всем странам мира агрессивно навязываются стереотипы западной культуры и сугубо буржуазной морали, система ценностей «общества потребления». Средства массовой коммуникации направляют сознание людей против идеалов социальной справедливости, солидарности, духовного взаимообогащения в процессе общения. Человека пытаются превратить в отчужденную производительную силу, мумию его культуры, социальную машину, работающую по схеме «стимул–реакция». Идея свободы личности как предпосылки творчества и созидания, духовного возвышения себя и других низводится до тезиса о необходимости этой свободы для индивидуального обогащения.

Это интенсивное искоренение нравственной компоненты социального бытия дает свои плоды: как бы уходя внутрь себя, человек сначала с безразличием, а затем и все более неприязненно начинает относиться к происходящим переменам. Налицо, таким образом, ответная реакция на предпринимаемые извне попытки разрушения исторически сложившегося уклада жизни людей, устоявшихся представлений о добре и справедливости, исторических преданий и верований (многими народами современная глобализация воспринимается именно так). Отсюда вывод: национальное и особенное не могут быть разменены на стандартизацию экономической жизни для всех. Сохранение национального многообразия должно быть поставлено выше экономических доктрин.

Экономическая наука, которую сегодня столь упорно сталкивают в бездуховную од-

носторонность либералистских догматов, принципиально не в состоянии дать на их основе рецепты искомого «устойчивого развития». Оно возможно лишь тогда, когда общественное самосознание и опирающаяся на него воля правительства обращены в первую очередь на то, чтобы труд и мастерство, равно как и воплощающие их наличные производительные силы, находили полнокровное применение «в своем доме», в непосредственном национальном духовно-культурном окружении. Это и только это способно предотвратить превращение человека исключительно в «мускульную рабочую силу», покорно ожидающую обмена на мертвые блага животного существования.

Сегодня модно говорить о том, что «неэффективный труд развращает больше, чем открытая безработица и вспомоществование ее жертвам со стороны государства или частных доброхотов», а значит, принцип полной занятости должен-де быть принесен в жертву принципу максимизации «богатства», воплощенного в меновой ценности продуктов производства. Так шаг за шагом притупляется восприятие страшной картины деградации «проблемных» территорий, вымирания этносов и исчезновения профессий, омертвления в колоссальных масштабах национальных производительных сил.

Безальтернативную необходимость первоочередного решения духовно-нравственных проблем наглядно демонстрирует миру печальный десятилетний опыт радикальных экономических реформ в России. Один из существенных факторов их антирезультативности – пренебрежение духовным миром человека, его нуждами и чаяниями. Здесь, как выясняется, кроются многие основания ускоряющейся смертности населения России. Новейшие демографические исследования показывают, что более двух третей всех причин этой смертности связано с такими возникшими в постсоветский период социально-психологическими феноменами, как социальная апатия и агрессия населения¹⁰. Они,

⁹ Давно осознана опасность депопуляции отдельных видов растений и животного мира: исчезающие особи бережно заносятся в «Красную книгу». Но применительно к человеческому сообществу эта опасность до сих пор недооценивается. Уже исчезли и продолжают вымирать многие этносы. Скажем, так называемые малые народы Севера в пору заносить в «Красную книгу исчезающих видов человечества».

¹⁰ См.: Гундаров И. А. Демографическая катастрофа в России: причины, механизмы, пути преодоления. – М.: УРСС, 2001.

включая рост самоубийств и убийств, суть проявления осознанной или неосознанной реакции россиян на разрушение привычного для них уклада жизни, устоявшихся представлений о мире и справедливости.

В эйфории рыночных реформ мы переступили грань дозволенного – подменили духовное и живое материальным и мертвым, повернув сознание людей к обогащению любой ценой, поставив эгоизм личной свободы выше свободы для всех. И теперь пожинаем последствия содеянного. За пренебрежение духовным и живым приходится расплачиваться ускоренным вымиранием России.

Чтобы побороть эту страшную беду, необходимо «очеловечить» экономические реформы: нравственные начала должны стать основой будущей экономики России. А для этого требуется устранить вышеуказанное коренное противоречие нашей действительности – между общественной сутью рентного дохода страны и частной формой его присвоения.

Природные блага не являются «делом рук человеческих» и с морально-этической точки зрения в принципе частному присвоению не подлежат. И для нас совершенно не резон, что процесс исторического развития западной цивилизации пошел в противоположном данной посылке направлении. Ни одна из общественных формаций, включая капитализм, не смогла устранить противоречия меж-

ду Обществом и Природой, а современная фаза капиталистической эволюции, технологически опирающаяся на достижения глобально-информационного уклада, лишь катастрофически обостряет эту коллизию, превращая проблему антроподействия на природную среду в перерастающую все национальные рамки «проблему проблем», в вопрос сохранения самого рода человеческого.

Доморощенные либералы утверждают, что без частной собственности на землю и другие природные ресурсы не возбудить обязательного для рыночной экономики «чувства хозяина», игнорируя тем самым императив согласования принципа частной собственности как такового с другим атрибутивным принципом рыночного хозяйства – равенством всех субъектов процесса обмена товаров. Частный предприниматель имеет «священное» право на доход, выступающий результатом осуществленного «на его страх и риск» вложения капитала. Но столь же правомерно, что часть дохода, остающаяся сверх того и не являющаяся «делом рук человеческих», а, образно говоря, идущая от Бога, принадлежит всем. В этом и только в этом случае частная собственность согласуется с эквивалентностью обмена и социальной справедливостью, а созидание нравственной частно-предпринимательской экономики перестает быть абстрактно-демагогическим лозунгом.